

Шэнь Сяньчжэ с силой рванул запястье, но вырваться из хватки Фэн Дунъюэ так и не смог. Повернув голову, он глянул на Е Чжэня, который корчился на коленях от мелкой дрожи и сухих позывов к рвоте, и внутри у него всё вскипело от раздражения.

Да, он признавал, что в прошлом причинил Е Чжэню немало боли. Но ведь с самого начала их отношений тот прекрасно знал: Шэнь Сяньчжэ — не из тех мужчин, что способны хранить верность кому-то одному.

К тому же он искренне пожалел о содеянном и испробовал сотни способов, чтобы вернуть Е Чжэня. Пусть некоторые из этих методов отдавали душком, но всё делалось лишь ради того, чтобы вернуть его назад.

А Е Чжэнь? На вид кроткий и шёлковый, а внутри — упёртый, как осел. Стоило лишь переступить через гордость и ласково попросить прощения, как все разногласия растаяли бы без следа. Вместо этого он предпочёл прикинуться умалишённым и сбежать сюда, наступая на горло собственной гордости.

Ни доктора Юнь Мэнцзэ, ни сам санаторий Шэнь Сяньчжэ и в грош не ставил. Однако неожиданное появление Фэн Дунъюэ, решившего заступиться за убогого, заставило его задуматься.

Будучи президентом крупного строительного холдинга, Шэнь Сяньчжэ обладал весьма высоким статусом в обществе. К тому же он часто посещал одно из заведений Фэна, так что определённые деловые связи их всё же объединяли.

В глубине души Шэнь Сяньчжэ презирал Фэн Дунъюэ. Пусть сегодня этот делец упивался всеобщим уважением, в прошлом он был обычным уличным бандитом, перемаравшим руки во всех нечистых делах. И его нынешние попытки корчить из себя цивилизованного человека выглядели просто смешно.

Впрочем, при всём презрении проверить на собственной шкуре, каков Фэн Дунъюэ в гневе, ему вовсе не хотелось. Взвесив все «за» и «против», Шэнь Сяньчжэ решил пока не сцепляться с Юнь Мэнцзэ.

— Извините, немного горячился, — наигранно-вежливо произнёс Шэнь Сяньчжэ. — Встревожился из-за Е Чжэня, вот и не сдержался. Надеюсь, господин Фэн не примет это на свой счёт.

— Ничего страшного, — в той же безукоризненно-сдержанной манере отозвался «цивилизованный» Фэн Дунъюэ. — Сюда многие попадают именно потому, что не умеют держать себя в руках. Если главе Шэню требуется помощь, я могу устроить вас на лечение.

Шэнь Сяньчжэ выдавил сухой смешок:

— Ха-ха... А вы остряк, господин Фэн.

Тем временем Фэн Сяовэй подобрала с земли маску Кумамона и осторожно надела её обратно на Е Чжэня.

Юнь Мэнцзэ вызвал санитаров, чтобы те увлекли Е Чжэня в палату. По отношению к Шэнь Сяньчжэ доктор держался отстранённо и твёрдо, хотя и подбирал обтекаемые формулировки:

— Господин Шэнь, в ближайшее время Е Чжэню противопоказаны посещения. Вы человек занятый, не стоит тратить время на визиты. Пока он под моим присмотром, с ним всё будет в порядке.

Шэнь Сяньчжэ натянуто ухмыльнулся, собираясь обменяться ещё парой дежурных фраз с Фэн Дунъюэ, но тот уже повернулся и ушёл. Оставалось лишь убраться восвояси.

Фэн Дунъюэ и Фэн Сяовэй вернулись к скамейке. Девушка проводила взглядом удаляющуюся фигуру врача:

— Ого... А работать здесь, оказывается, опасненько.

— В зонах А и В всё относительно спокойно, — отозвался Фэн Дунъюэ. — А вот в зоне D содержатся пациенты с тяжёлыми проявлениями насилия. Там медперсонал рискует куда сильнее.

— Да я не о том! Мало того что нужно терпеть закидоны больных, так ещё и разбираться с их долбанутыми родственниками. Доктору Юню не позавидуешь... Но какой же он красавчик!

— А я, по-твоему, не красавчик?

На самом деле дядя действительно был хорош собой: и внешность, и выправка, и статность — безупречны. Жаль только, что в глазах племянницы на нём навечно висел ярлык «деспота», сильно сбивавший шарм. Впрочем, помня о том, как Фэн Дунъюэ только что защитил Юнь Мэнцзэ, Сяовэй сжалилась:

— Ну... Сойдёт.

Уладив дело с Шэнь Сяньчжэ, Юнь Мэнцзэ подошёл к ним:

— Извините, что заставил ждать. Господин Фэн, спасибо вам за помощь.

Фэн Дунъюэ едва заметно кивнул:

— Пустяки, не стоит благодарности.

Юнь Мэнцзэ присел на скамью, привычным движением снял очки и протёр стёкла:

— Общение с родственниками — важная часть терапии. Каким бы эффективным ни было лечение, поддержка семьи пациенту жизненно необходима. Правильное понимание его состояния, забота и участие помогают человеку обрести уверенность и справляться с гнетущими эмоциями.

— Доктор Юнь, вы не переживайте! Я сделаю всё, что скажете! — пообещала Фэн Сяовэй, а про себя восторженно пискнула:

«Господи милостивый, да у него же звёзды в глазах!»

Фэн Дунъюэ сохранял каменное выражение лица, всем видом показывая, что с этой чересчур сговорчивой девицей не знаком.

Юнь Мэнцзэ надел очки обратно:

— Желательно, чтобы ссоры вроде той, что произошла в палате, больше не повторялись. Любую проблему можно решить спокойно, если сесть и поговорить.

— Доктор Юнь, вы просто его не знаете! — тут же принялась ябедничать Сяовэй. — Дядя обычно вообще рта не открывает. А если и скажет что — хоть святых выноси! Он никогда не орёт и не выходит из себя, а просто доводит людей до белого каления. — Она косо взглянула на Фэн Дунъюэ. — Честно говоря, хоть он тогда и вспылil, зато впервые выплеснул всё, что думает. А не как обычно...

С самого детства Сяовэй сотни раз пыталась выбить дядю из колеи. Но все её попытки оканчивались крахом: пока она вопила, рыдала и билась в истерике, Фэн Дунъюэ возвышался неприступной скалой, сохраняя ледяное безучастие.

Юнь Мэнцзэ не мог с этим не согласиться. Привычные методы психоанализа на Фэн Дунъюэ не работали: ни единого микрожеста, ни единой мимической подсказки. Он походил на выверенный механизм или изваяние — все свои чувства он прятал глубоко внутри, сворачивая их в бумажные фигурки оригинальных оригами, отчего казался абсолютно уязвимым и неприступным одновременно.

— У него знак зодиака такой! — авторитетно заявила Сяовэй. — Страшные молчуны, а в голове уйма мыслей. Люди с таким знаком чаще всего страдают шизоидным расстройством личности, а там и до раздвоения рукой подать!

Юнь Мэнцзэ мысленно поздравил Фэн Дунъюэ с пополнением медицинской карты. Интересно,

какую ахинею читает эта девочка? Раздвоение личности и шизоидное расстройство — совершенно разные вещи!

Тут Фэн Дунъюэ подал голос:

— Ты с тем парнем рассталась?

Задев за живое, Сяовэй мгновенно вспыхнула:

— А то как же! Ты его так уделал, что у него поджилки затряслись! И этот трус ещё смел называть тебя бандитом... Хотя, по-моему, главный бандит тут — ты!

— Раз сбежал от испуга, значит, не достоин быть мужем моей племянницы, — всё так же бесстрастно резюмировал Фэн Дунъюэ.

Сяовэй подскочила как ужаленная, но Юнь Мэнцзэ мягко жестом остановил её:

— Успокойтесь оба.

— Да он всегда так! — пожаловалась Сяовэй доктору. — Мой прошлый парень был круглым отличником, во всём преуспевал! Так дядя его до того довёл, что у бедняги случился нервный срыв! Он чуть таблеток не наглotalся!

— Но не наглotalся же, — заметил Фэн Дунъюэ.

— Да потому что перепутал упаковки! — выкрикнула Сяовэй.

— Раз даже в таком простом деле ухитрился накосячить, на такого безалаберного увальня тем более нельзя положиться, — с невозмутимым спокойствием парировал дядя.

— Доктор Юнь, вы слышали?! — Сяовэй едва не расплакалась от досады.

Заставить человека вроде Фэн Дунъюэ раскрыть душу — задача не из лёгких. Юнь Мэнцзэ повернулся к девушке:

— Через несколько дней я планирую провести сеанс психодрамы в группе, где состоит ваш дядя. Приходите посмотреть.

Психодрама — это метод терапевтического воздействия, где участники через роль и сценическую игру разыгрывают собственные переживания, внутренние конфликты, сны и особенности взаимоотношений, что помогает исследовать, осознавать и высвобождать

подавленные эмоции.

Сяовэй заинтересованно закивала:

— Это как в кино играют?

— Вроде того.

— О, это должно быть интересно! — У девушки загорелись глаза: ей уже не терпелось увидеть, как её обычно невозмутимый дядя сгорает от смущения на «сцене».

Однако сам Фэн Дунъюэ энтузиазма не разделял. Идея казалась ему откровенно глупой, хотя из уважения к собеседнику он не стал рубить с плеча:

— Я пас. Актёр из меня никакой.

Юнь Мэнцзэ принялся терпеливо разяснять смысл терапии: дело не в актёрском мастерстве, а во взаимной поддержке, раскрепощении, прослушивании музыки и рисовании — всё это способствует выздоровлению.

Фэн Дунъюэ выслушал его, но мнения не изменил:

— К подобным изыскам я не привык, так что воздержусь. И впредь прошу не привлекать меня к групповым сеансам — не вижу от них никакой пользы. А тебе, Сяовэй, пора на занятия.

Понимая, что дядя назубок знает её расписание, Сяовэй лишь фыркнула:

— Доктор Юнь, взаимовыручка и мой дядя — вещи несовместимые. Оставьте его в покое, пусть и дальше коротает век эдаким бирюком.

С его статусом и замашками Фэн Дунъюэ действительно было трудно заставить взаимодействовать с другими. К тому же недавний «публичный допрос» в комнате терапии, хоть и прошёл внешне гладко, задел его гордость. Затащить его на коллективное мероприятие теперь казалось задачей из разряда невыполнимых.

Сяовэй собралась уходить, но напоследок наклонилась к Юнь Мэнцзэ и таинственно прошептала:

— Доктор Юнь, когда я надевала маску на Е Чжэня, то успела разглядеть его лицо. Он ведь...

Юнь Мэнцзэ приложил палец к губам. Сяовэй тут же всё поняла:

— Не переживайте, я могила! Через пару дней приду «содействовать лечению». До встречи, доктор Юнь!

Девушка стремительно унеслась прочь.

Когда она скрылась из виду, Юнь Мэнцзэ повернулся к Фэн Дунъюэ:

— Почему вы не объяснили ей настоящую причину, по которой запрещаете ей встречаться с парнями?

В обычно безучастном взгляде Фэн Дунъюэ на мгновение мелькнуло изумление:

— А что я должен объяснять?

Юнь Мэнцзэ слегка улыбнулся:

— Вы разумный человек и действуете так не без причины. И я уверен: вы искренне заботитесь о племяннице и просто не хотите, чтобы ей причинили боль.

Лицо Фэн Дунъюэ снова превратилось в непроницаемую маску:

— Из родных у неё остался только я.

Обронив эту короткую фразу, он развернулся и пошёл в корпус. Судя по всему, вопрос с групповой терапией оставался закрыт.

Юнь Мэнцзэ не стал настаивать. Завершив дневные дела, он забрал историю болезни Е Чжэня к себе в общежитие, рассчитывая сделать того главным героем предстоящей психодрамы.

Случай Е Чжэня был сложным. Запущенное тревожное расстройство, не получавшее должного лечения, с годами переросло в тяжёлую форму. Поначалу он пытался заглушать тревогу едой, но аппетит быстро вышел из-под контроля. А поскольку специфика работы требовала держать форму, после каждого приступа обжорства он вызывал рвоту. Со временем сформировался условный рефлекс: организм отвергал любую пищу автоматически.

Здоровье Е Чжэня было подорвано: бессонница, гастрит, эзофагит... Замкнутый круг превратил его жизнь в нескончаемый кошмар.

Но настоящий ад начался позже. Перенеся серию тяжёлых ударов, он окончательно потерял способность контактировать с людьми и несколько раз падал в обморок прямо в толпе. В момент поступления в санаторий его психика напоминала хрусталь, готовый разлететься от

малейшего прикосновения.

Пока Юнь Мэнцзэ изучал карту, на его браслете раздался звонок. Ответив на вызов, он к своему удивлению услышал голос Фэн Дунъюэ.

— Поздний час, господин Фэн. Что-то случилось?

Голос Фэн Дунъюэ звучал не так сухо, как обычно:

— Выйди на балкон.

Юнь Мэнцзэ нахмурился и направился к выходу на балкон:

— Только не говорите, что сбежали из палаты.

Даже если бы Фэн Дунъюэ и смог выбраться из палаты, покинуть территорию лечебного корпуса и пробраться к жилому блоку персонала ему бы вряд ли удалось. И всё же Юнь Мэнцзэ сомневался: от этого загадочного человека можно было ожидать чего угодно.

Фэн Дунъюэ тихо усмехнулся:

— С чего бы? Ты уже на балконе?

Юнь Мэнцзэ стоял на тринадцатом этаже и смотрел вниз, где в свете фонарей темнели клумбы:

— Да, вышел.

— Подними голову.

Юнь Мэнцзэ запрокинул голову. В чернильной вышине, не озарённой звёздами, пробивался сквозь полупрозрачную дымку облаков смутный, призрачный свет одинокой луны.

— Господин Фэн, так на что я должен смотреть?

— Я просто хотел сказать... — Голос Фэн Дунъюэ прозвучал с неожиданной, почти интимной мягкостью. — Ночь сегодня очень хороша, и луна так красива.

От этой внезапной кокетливой дерзости Юнь Мэнцзэ едва не потерял дар речи.

<http://bllate.org/book/20119/1991969>